

Примечания

¹ Дневники Сирелиуса лишь относительно недавно были частично (записи из его первой экспедиции) опубликованы в Финляндии в переводе на немецкий язык. См.: *Sirelius U.T. Reise zu den Ostjaken. Übersetzt und herausgegeben von Ingrid Schellbach. Helsinki, 1983 (Soumalais-ugrilaisen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja. T. XI.)*. На рус. яз. см.: *Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск, 2001. 334 с.*

² *Соколова З.П. Времячисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990. С. 77.*

³ *Васильев В.И., Головнев А.В. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Он же. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Соколова З.П. Времячисление...*

О календаре обских угров см. также: *Vertes E. Die Namen der Monate bei den Surgut-Ostjaken // Finno-Ugrische Forschungen. Bd. 34. 1962. S.144–147; Erdödi J. Zur Frage der Zeitrechnung bei den uralischen Völkern. Die Monatsnamen // Acta Ethnographica. 1974. Bd. 24. Слосок работ, в том числе и монографий, оставленных Х. Снеллман без внимания при написании своей монографии, можно продолжить.*

⁴ *Кузнецова А.И. Календарные названия в самодийских языках // Языки и топонимия. Томск, 1976; Даицева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. Москва; Улан-Удэ, 2001.*

⁵ *Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календари в культуре народов мира. М., 1993.*

⁶ Там же. С. 234–237.

⁷ *Соколова З.П. Времячисление ... С. 78–83.*

⁸ Автор использовала только одну работу на рус. яз. – В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной «Васюганско-ваховские ханты в коме ...» (так у Х. Снеллман!), опубликованную в Томске в 1977 г.

⁹ Из последних библиографических изданий см., например, изданную также в Финляндии книгу-справочник: *The Small Indigenous Nations of Northern Russia: A Guide for Researches / Ed. by D. Funk and L. Sillanpää. Åbo Akademi University: Social Science Research Unit. Publication. № 29. 1999. P. 22–29.*

З.П. Соколова, Д.А. Функ

© 2002 г., ЭО, № 5

Г.Я. Мовчан. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М., 2001. 525 с., ил.

Вышла в свет капитальная монография выдающегося архитектора, одного из наиболее уважаемых и любимых профессоров Московского Архитектурного института (МАРХИ) и видного ученого, почетного члена Российской Академии архитектуры и строительных наук и Московского отделения Международной Академии архитектуры, доктора архитектуры, профессора Геннадия Яковлевича Мовчана о традиционном аварском зодчестве, основанная на материалах обследований 1945–1964 гг.

В том 528 страниц крупного формата, он богато иллюстрирован, причем большая часть из 785 иллюстраций – авторские фотографии, чертежи и рисунки. По словам автора, интерес к региону, где почти полвека шла «Кавказская война горстких горцев могущественного соседа», стремление увидеть, «что могло сохраниться там от среды, воспитавшей ее героев», побудили его «принять участие в экспедиции, направлявшейся именно в горы северного Дагестана... Первые же поездки дали настолько ошеломляющий результат, что... я не мог остановить начатого и продолжал изыскания по собственной уже инициативе». А потом были десятилетия «работы за чертежной доской и рабочим столом» (с. 12–13), ставшей поистине делом жизни Мастера.

После поездки в горы уже в начале 1960-х годов к интересу историка добавилась боль гражданина и деятеля культуры, который стал свидетелем не просто утраты, но подчас варварского уничтожения бесценного культурного наследия – вызывавших его восхищение и изучавшихся им жилых домов и поселений. «Из сознания населения было выбито почитание жилища предков и заменено стыдом за него» (с. 510). Возможно, именно после этого в заглавии книги появилось добавление «... и его судьба». Г.Я. Мовчан стал относиться к своей работе с еще большей ответственностью и требовательностью, увидев в ней фиксацию и память о шедеврах народного зодчества небольшого самобытного народа. Он не раз забирал рукопись из издательства, пополняя и совершенствуя ее, о чем свидетельствуют хотя бы даты итогового предисловия – 1980, послесловия – 1981, резюме – 1993 и включенной издателями в книгу в

качестве «P.S.» статьи – 1998, опубликованной в год кончины замечательного зодчего, педагога, ученого и человека. Эта статья – крик тревоги и боли за уничтожаемое бесценное и самобытное, почти не имеющее аналогов культурное наследие.

Исследования Г.Я. Мовчана начались, как уже говорилось, с участия в этнографических экспедициях под руководством выдающегося ученого-кавказоведа Евгения Михайловича Шиллинга (1842–1953), памяти которого посвящена книга. Но уникальность для истории, этнографии и архитектуроведения собранных Г.Я. Мовчаном материалов в том, что в составе экспедиции он был единственным и высокопрофессиональным архитектором, смотрел и видел то, что часто проходит мимо внимания этнографов: от размещения поселений в природном ландшафте, связанного с их оборонительной функцией, от планировки аулов и трассировки внутриаульных дорожек и троп до структуры и конструкции жилого дома (а также мечети, школы, хлева, сеновала, пекарни, амбара, босвой башни) до планировки жилого помещения, тесно связанной с местными обычаями и религиозными воззрениями, до архитектурных деталей, особое место среди которых занимают несущие столбы с их тектоническим и символическим значением и орнаментальным оформлением, до мебели и оборудования, до устройства очага и спального места, до посуды и светцов. В то же время автор сознает и демонстрирует связь архитектурных структур и форм с бытом, нравами, обычаями и религией народа.

Исключительно важен и поучителен анализ структуры аула, расположенного на крутом горном рельефе, на склоне: функционально (в первую очередь вызванная необходимостью защиты от нападений) и тектонически обоснованная многоярусность и связанность, проходы между уровнями жилищ (автор подмечает: «Связь жилого дома с горой в каждом этаже привела к ненужности лестницы. В старых домах ее просто не знали, во всяком случае, не употребляли») и т.д. – с. 412), вдоль ряда домов, нередко под ними, ведущие к родовым и босвым башням, «межквартирные» просмы-дверки, позволяющие в случае опасности переходить из одного помещения в другое, использование в быту крыши-террас, отсутствие оконных просмов в нижних ярусах и их минимальные размеры в верхних, наконец, непрерывность кладки в горизонтальном направлении, показывающая, что аул строился не отдельными домами, а как единое общинное целое. Видимо, такую структуру можно сравнить с поселениями североамериканских индейцев пуэбло; ее изучение и показ могут помочь и современным архитекторам в поисках рациональных решений многофункциональных зданий и сооружений.

Подлинным открытием зодчего стали выявление и анализ типа жилого дома и поселения аварского «вольного общества» Гидатль (Гид), его понимание как целостного художественного объекта, сопоставимого с высочайшими произведениями мирового зодчества именно в силу своей связи с духовным миром и обычаями создавших его людей. На конкретном материале он показывает, как создавался (не просто строился!) дом как модель мира. Исключительно важно мнение исследователя: в монументальности аварского дома «нужно видеть отблеск древнего воззрения: жилище в глазах горца продолжает далеко прерываться утилитарные его свойства» (с. 501). И тем большее было ему видеть уничтожение и, главное, обесценение дома и поселения как культурного наследия их современными обитателями – наследниками (но не продолжателями) их создателей.

Уместной представляется и полемика Г.Я. Мовчана с целым рядом ученых – предшественников и современников, но особенно принципиальны его аргументированные и подкрепленные десятками рисунков и фотографий возражения одному из первых исследователей архитектуры Дагестана Н.Б. Бакланову, который считал ее «примитивной».

Г.Я. Мовчан выявил и доказал роль дерева в чисто каменной на первый взгляд архитектуре Дагестана и пришел к выводу, что безлесный ландшафт – во многом следствие антропогенного воздействия на природу, в частности сознательного уничтожения лесов в период Кавказской войны.

Заканчивая книгу, Геннадий Яковлевич приходит к важному философскому обобщению: «Со времен Витрувия над нами довлеет бездоказательная схема: архитектура рождается как утилитарная структура, а ее "декоративное оформление" вторично, это некий "довесок" к функционально-конструктивной основе. Витрувий сузил духовное содержание архитектуры до понятия красоты и поставил ее на последнее место после пользы и прочности... Разве не очевидно обратное?». И убедительно демонстрирует это на примере аварского дома: «Роль архитектуры в жизни горского общества была огромной; она была не только плодом нравственного кодекса народа, но и важнейшим и могущественным средством поднятия духа на ступень героизма» (с. 504). Автор убедительно дифференцирует и анализирует «жилище социальное» и «жилище священное». И этот вывод поднимает книгу над анализом самого объекта – жилища одного из малочисленных народов России.

И сам Г.Я. Мовчан как архитектор и педагог исповедовал именно такое – высокое духовное предствление о зодчестве. Его постройки, и в том числе его последнее произведение – театр в Махачкале (создан совместно с В.Д. Красильниковым и С.Х. Галаджевой) – исполнены художественности, героизированы, и не случайно основным композиционным акцентом здания театра он сделал перенесенный из разрушающегося аула монументальный резной деревянный столб – «ось мира», как писал философ Мирча Элиаде. Перенесение этого столба в одно из главных общественных зданий столицы Дагестана, несомненно,

должно было, но замыслу автора, не просто украсить интерьер театра, но и показать, какие художественные ценности гибнут в горных аулах.

Структура книги проста и логична: последовательное изложение и графическая фиксация отдельных объектов в соответствии с их расположением и этнокультурными характеристиками, новые тенденции в горской архитектуре, проявившиеся в период после вхождения в состав Российской империи, и в заключительном разделе – обобщения, названные автором «Опыт истолкования».

Книга названа «Старый аварский дом...», но сам автор пишет, что в ней показаны и произведения зодчества других народов Нагорного Дагестана, проживавших в регионе, где им проводились исследования.

При всей академической точности и научной достоверности (как много говорят читателю признания типа: это помещение мною обмерено, в следующем я был, но не мог обмерить, а другие я не смог посетить) архитектуроведческий текст Г.Я. Мовчана отражает поэтичность восприятия и приподнятость изложения, героизацию объекта – отчасти это и дало возможность сделать некоторые интуитивные открытия, недостаточно обоснованные, казалось бы, сближения (например, с архитектурой Средиземноморья) и выводы.

Столь же поэтична, при всей точности и скрупулезности, графика автора – четкая, но очень живая линия, светотень, выявление структурности и деталей, местных особенностей орнамента, резьбы, петрографии (кажется, удачнее был бы термин «петроглифика»), выбор то ортогональных проекций, то перспектив, прорисовка старых фотографий и оттисков резьбы по дереву и камню, само расположение иллюстраций на страницах и в книге в целом помогают создать образ архитектуры аварцев. В качестве иллюстраций убедительно использованы также четко привязанные к конкретным объектам описания картины и рисунки Е.Е. Лансере и Г.Г. Гагарина. Г.Я. Мовчан был внешне и внутренне красивым человеком, и он создал красивую и глубокую книгу, которая всегда будет напоминать не только о великолепной (во многом, увы, уже утраченной) архитектуре, но и об авторе книги.

Еще когда в 1950 г. Г.Я. Мовчан защищал в МАРХИ кандидатскую диссертацию, один из выступавших, показывая на выставленные обмеры памятников дагестанской архитектуры, сказал: Мовчану, конечно, повезло, что он обследовал архитектуру такого художественного уровня, но повезло и Дагестану, что эту архитектуру обследовал именно Мовчан.

Путь книги к читателю был, как уже говорилось, долгим и трудным. Следует искренне поблагодарить сына Геннадия Яковлевича Алексея Геннадиевича, внука Дмитрия, издавшего книгу, и учеников Г.Я. Мовчана, прежде всего В.Д. Красильникова и автора обложки В.А. Шульрихтера, материально поддержавших издание монографии, которая стала выдающимся вкладом в изучение зодчества народов Дагестана и России в целом.

В.Л.Хайт, С.О.Хан-Магомедов

© 2002 г., ЭО, № 5

И. Г о р н е н с к и й. Легенды Памира и Гиндукуша. М., 2000. 207 с.

От отрогов Гиндукуша на юге до хребта Петра Первого на севере простирается Большой Памир. Его не случайно называют крышей, или вершиной мира: хребты этой горной страны достигают высоты 6000 и более метров. В силу изолированности и труднодоступности Великий Памир был почти неизвестен европейцам вплоть до конца XIII в., а именно до появления «Книги» итальянского путешественника Марко Поло.

Продлавший за три с половиной года долгий путь из Венеции в Пекин Марко Поло был первым из европейцев, который по личным наблюдениям описал высокогорный Памир¹. Эта загадочная и одновременно опасная страна, сокровища ее недр в протяжении многих столетий после Поло (как, впрочем, и до него) манили царей и ученых, полководцев и путешественников, не говоря уже о разного рода авантюристах. Как справедливо пишет о Большом Памире автор рецензируемой книги, «его мифичность и заурядность» так же неосуществимы и притягательны, как «тайны Ульгима Тулле, Атлантиды, Гипербореи, Ойкумены» (с. 5).

Основной материал книги связан с Горным Бадахшаном. Этот регион (нынешняя Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан) уникален в силу своего географического положения и социокультурного развития. Будучи высокогорным и потому труднодоступным, Горный Бадахшан фактически до конца XIX в. находился в изоляции от внешнего мира. Населяющие его народы (шугнанцы,